В свою очередь Арефа Малевинский подал жалобу архиепископу Александру на дьякона М. Федотова, изложив дело так, будто дьякон пригласил его к себе в гости и «намучил» с него сговорную запись, по которой он, Арефа, обязуется взять замуж сестру дьякона Анну. Арефа отказывается выполнить условия сговорной записи, ссылаясь на то, что запись была дана не добровольно, а «из-за смертной устрастки».

Дьякон со своей стороны тоже объясняет, как было дело. Арефа не был приглашен в гости, а пришел ночью в клеть к сестре его Аннице, где та спала вместе со своей сестрой Федоркой. Федорка, услышав голос Арефы, выбежала из клети, заперла ее и устремилась к дьякону и дьяконице. Те позвали в свидетели соседей и вместе с ними вошли в клеть. Арефа тут же попросил чернил и бумаги и написал на себя сговорную запись.

В подтверждение своих слов дьякон представил письма Арефы, адресованные Аннице.

В суде Арефа отказался от писем, говоря, что «рука не его». Нам трудно судить об этом, так как письма написаны полууставом, переходящим в скоропись; объясняется это тем, что Анница была, по-видимому, недостаточно грамотна, и Арефа старался писать ей как можно более разборчиво. Сравнение писем и сговорной записи ничего не дает, так как запись написана беглой и довольно небрежной скорописью, ничего общего не имеющей с почерком писем.

Любовные письма Арефы Малевинского представляют интерес для филолога с разных точек зрения. Чрезвычайно любопытной является сама фигура автора писем (если мы примем весьма вероятное предположение об Арефе как об авторе). Отчаянный соблазнитель, склоняющий девицу к тайной связи, и ловкий сутяга, нисколько не смущенный оглаской своих интимных дел: этот образ многими чертами напоминает нам одну из ярчайших фигур русской литературы XVII в. — Фрола Скобеева. Конечно, история Арефы Малевинского во многом отличается от ситуации, нарисованной в Повести о Фроле Скобееве, — Арефа изо всех сил старался избежать невыгодного брака, а Фрол затеял всю свою интригу для того, чтобы получить богатую невесту, но общая картина нравов (далеко уже отошедших от домостроевских идеалов) в обоих случаях весьма сходна и позволяет понять ту обстановку, в которой возникали произведения, подобные Повести о Фроле Скобееве. Интересны письма Арефы и с точки зрения языка: они отражают живой разговорный язык конца XVII в. в одном из его локальных северновеликорусских вариантов. Стихия народной разговорной речи и развившийся на основе этой разговорной речи приказный деловой язык играли в процессе формирования русского литературного языка определенную роль.

Мы считаем возможным включить в публикацию и те письма Арефы, которые когда-то были изданы В. Г. Гейманом. Основания для этого следующие: во-первых, необходимо представить их в полном виде, так как в противном случае будет нарушена цельность переписки; во-вторых, публикация В. Г. Геймана в настоящее время стала уже библиографической редкостью; в-третьих, в этой публикации по сравнению с оригиналом были допущены некоторые погрешности, например вместо «терпить» напечатано «терпеть» (1-е письмо), вместо «розлучит» — «разлучит» (12-е письмо) и т. д.

Письма печатаются в том порядке, в каком они расположены в деле. Письма 1, 2, 8, 11 и 12 напечатаны в журнале «Начала».